

Володина Дарья Николаевна

КОНЦЕПТ "ТОСКА" В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Р. М. РИЛЬКЕ

В статье анализируется концепт "Тоска" в структуре языковой личности Р. М. Рильке (на материале стихов и писем поэта, написанных на русском языке). Цель автора - реконструировать данный концепт, определить в нем индивидуально-авторские, русские национальные и интеркультурные смыслы. Основное внимание уделяется авторским способам репрезентации концепта "Тоска" на лингво-когнитивном уровне. В статье выявляются лексико-семантическое поле и образный строй концепта (способы метафоризации действительности и мотивная организация).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 52-56. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Как и в фольклоре, здесь использовано сравнение; горы окутывают облака, для поэта облака *нѣбати нюрими / төгсэлди авлача* – видятся белыми волосами. В стихотворении ««Дюлдэлэву илаттан» («Впереди меня») [5, с. 5] горы не просто стоят, *яв-ут-та мулгаттан, урэкчэн огилэ нокуттан, эгденди хокаттан* – а о чём-то думают, высоко глядят, гордятся, что они такие высокие.

Рассматривая пейзажную лирику В. Д. Лебедева, мы пришли к выводу, что в ней ярко представлены образы национально окрашенные; в них отражена самобытность эвенского мира. Поэт продолжает традиции предшественников, провозглашая гармонию человека с природой. Пейзаж в лирике Лебедева носит индивидуальный характер, он и глубоко философичен. Изображая времена года, явления природы, поэт одухотворяет окружающий его мир, передаёт свое отношение к родному северному краю, через образы природы раскрывает искренние чувства любви к своим сородичам.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 2-х т. СПб.: Наука, 1998. 622 с.
2. Донская Т. К. «Мой родник» А. Кривошапкина // Литература народов Севера: сборник научных статей / под ред. Г. Н. Ионина и Е. С. Роговера. СПб.: Олимп, 2008. Вып. 9. С. 45-52.
3. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. Изд-е 3-е. М.: Флинта; Наука, 2000. 246 с.
4. Зинина Е. А. Основы поэтики: теория и практика анализа художественного текста. 10-11 кл.: учеб. пособие. М.: Дрофа, 2006. 300 с.
5. Лебедев В. Ицэнь төр. Дьокуускай: Бичик, 2004. 80 с.
6. Лебедев В. Мэрлэнкэ. Якутск: Нека төрэнэн книга издательстван, 1971. 52 с.
7. Лебедев В. Өмчэни: Дёнтур. Якутск: Нека төрэнэн книга издательстван, 1963. 68 с.
8. Лебедев В. Хиги огални. Якутск: Нека төрэнэн книга издательстван, 1965. 88 с.
9. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 238 с.

LANDSCAPE LYRICS IN V. D. LEBEDEV'S CREATIVE WORKS

Antonina Afanas'evna Vinokurova, Ph. D. in Philology
 Department of Northern Philology
 Institute of Languages and Cultures of Russian North-East Peoples
 North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
 altan_saryn@rambler.ru

The author researches the genre originality of the Even poetry, basing on the analysis of V. Lebedev's poems undertakes an attempt to present the originality of the Even world, reveals that landscape in Lebedev's lyrics has individual character, it is deeply philosophical, and the spiritual culture of the Evens and the Arctic outside world are its origins, and for the first time analyzes the genre and thematic diversity of V. Lebedev's poetry in the process of the research.

Key words and phrases: Even poetry; seasons; original interpretation; description of nature; northern territory; tugenii; dyugani.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье анализируется концепт «Тоска» в структуре языковой личности Р. М. Рильке (на материале стихов и писем поэта, написанных на русском языке). Цель автора - реконструировать данный концепт, определить в нем индивидуально-авторские, русские национальные и интеркультурные смыслы. Основное внимание уделяется авторским способам репрезентации концепта «Тоска» на лингво-когнитивном уровне. В статье выявляются лексико-семантическое поле и образный строй концепта (способы метафоризации действительности и мотивная организация).

Ключевые слова и фразы: языковая личность; концептосфера; концепт; картина мира; иное национальное сознание; тоска; Р. М. Рильке.

Дарья Николаевна Володина, к. филол. н.
 Кафедра русского языка как иностранного
 Национальный исследовательский Томский политехнический университет
 volodinadn@mail.ru

КОНЦЕПТ «ТОСКА» В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Р. М. РИЛЬКЕ®

Проект выполнен при поддержке гранта Президента РФ МК-2012 812/20.01.12 № 17.7932012.

Концепт «Тоска» является ключевым для понимания русской культуры и наравне с концептами судьба и душа дает о ней «поистине неопределимое» представление [2, с. 33; 6, с. 31], выражая яркие признаки русского

национального характера – эмоциональность, иррациональность, неагентивность, любовь к морали [1, с. 36]. По мнению Ю. С. Степанова, «религиозное воспитание нашего народа» сделало чувство тоски нравственным правилом, превратило его в «преданность судьбе, т.е. воле Божией» [10, с. 876-890]. Грусть-тоска, печаль-тоска, по мнению Н. А. Красавского, относятся к классу безэквивалентной лексики, что свидетельствует об их «глубокой, детальной специфической “проработанности”» русским сознанием [7, с. 211-212]. А. Д. Шмелев относит тоску к важному классу слов, отражающему специфику русской ментальности, который соответствует уникальным русским понятиям и отмечает, что на «непереводимость» этого слова и «национальную специфичность обозначаемого им душевного состояния обращали внимание многие иностранцы, изучавшие русский язык» [5, с. 31].

Размышлял о феномене русской тоски и австрийский поэт Р. М. Рильке, преклонявшийся перед Россией, изучавший ее культуру и литературу, переводивший русских классиков. Чувство тоски, по словам поэта, было главным во всей его жизни. Рильке считал, что русское слово *тоска* непереводимо на немецкий язык и не находит в нем аналогов. В связи с этим интересно рассмотреть, как репрезентирован русский концепт «Тоска» в русскоязычном творчестве поэта и какие его смыслы оказались созвучны поэзии великого художника слова – представителя иного национального сознания.

В русском языковом сознании «Тоска» концептуализируется как ступок эмотивных смыслов: «томление», «грусть», «печаль», «скука», «уныние», «хандра», «душевная тревога», «тоска по Родине», «сожаление об утраченном», «стремление к чему-либо, пока не происходящему», «тоска по любимым, близким людям», «тоска по прошлому», «тоска по хорошим чувствам», «тоска по воле и свободе». В тексте может быть актуализован только один или несколько этих смыслов при актуализации остальных на уровне сознания [4, с. 89-100]. Универсальными смыслами концепта являются «стремление к желаемому» и «осознание невозможности желаемого».

Стихи Рильке, написанные на русском языке в 1900-1901 гг., после посещения поэтом России, представляют собой поэтическую рефлексии культурной константы *тоска*. В этих лирических произведениях тоска – «русско-немецкая», возникшая на основе индивидуально-авторских представлений поэта и его «русского опыта». Данный концепт в русских стихах выражен имплицитно, но его образная экспликация в сквозных мотивах и метафорах объединяет их в единый цикл, репрезентируя ту или иную грань (смысловой план) ключевого концепта русской культуры. Лексико-семантическое поле концепта «Тоска» образуют смысловые планы «горе/печаль», «беспокойное ожидание будущего», «тоска по будущей жизни», «непостижимость трудностей жизни, невозможность управлять ею», «грусть по прошлой жизни», «предчувствие конца», «страх смерти», «нереализованное желание творчества», «тоска от непонимания и одиночества (экзистенциальная тоска)».

«Первая песня», открывающая цикл русских стихов, строится вокруг образа девочки, сидящей у моря, как мать у ребенка (*здесь и далее в оригинальных текстах сохранена грамматика Р. М. Рильке*):

...Вечер. У моря сидела
девочка, как мать сидит
у ребенка. <...>
Дитя будет точно море
трогать даль и небеса, –
гордость твое или горе,
шопот или тишина [9, с. 627].

В этом стихотворении возникает многоплановая натуроморфная метафора: жизнь человека – это море (*дитя точно море, дитя будет трогать даль и небеса*), ее начало – морской берег (*дитя – начало жизни, сидеть у моря – быть на берегу*). Мать «знает» лишь начало жизни ребенка, остальное скрыто в неясной морской дали:

Берег его только знаешь,
и сидеть тебе и ждать... [Там же].

Поэтому она то с радостью, то с беспокойством думает о его будущей жизни, воплощая свои раздумья в песне:

То и песну запеваешь,
и ничем не помогаешь
ему жить и быть и спать [Там же].

Концепт «Тоска» репрезентирован метафорой, передающей состояние беспокойного ожидания («и сидеть тебе и ждать...») и номинацией «горе», которые актуализируют смысловой план концепта «беспокойное ожидание будущего». Беспокойство (волнение), как и горе (печаль) являлись в древнерусском языке значениями слова тоска [11, с. 88], а «в сознании носителя языка все смыслы концепта присутствуют одновременно и могут вызывать богатые смысловые ассоциации, обусловленные причинами не только языкового, но и культурологического, психологического, исторического характера» [3, с. 34]. В то же время возникают и положительные коннотации концепта: возможно, мать будет гордиться жизнью ребенка («гордость»), но сейчас она этого не знает и поэтому грустит. В данном случае актуализируется смысловой план «тоска по будущей жизни». Оппозиция «гордости» и «горя» соотносится со свойственным русскому фольклору и литературе переходом от «удали» к «сердечной тоске», который выявляет «крайности русской души» [5, с. 31].

Ю. С. Степанов, размышляя о понятиях тоски и грусти, утверждает, что грустить – «значит любить того, кому сострадаешь» [10, с. 878]. Такая грусть, по его мнению, слышится в русских песнях. Песня, которую мать поет, ожидая вестей из «*моря жизни*», грустна и печальна, потому что она не может помочь своему

ребенку существовать – «жить и быть». В этом мотиве нашли отражение «русские впечатления» поэта: «...знакомство с русскими крестьянами и жизнь среди них, библейское их величие, фатализм, печаль их песен...» [9, с. 304]. Рильке не только интересовался русским фольклором и народными обрядами, но и переводил «Слово о Полку Игореве».

Состояние беспокойного ожидания будущего и чувство невозможности помочь близкому человеку, переданные Рильке в этом стихотворении, являются составляющими неагентивности, то есть «ощущения того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности» [2, с. 34]. Именно эти семантические свойства слова *тоска*, по мнению А. Вежбицкой, являются важными семантическими характеристиками, образующими смысловую универсум русского языка.

В стихотворении «Пожар» чувство тоски слышится в вопросе молодого парня, который не видит спасения от тягот жизни:

Парень думал: трудно жить.

Почему спасенья нет? [9, с. 629].

В лирической форме Рильке передает чувство «горести», свойственное, по его мнению, русскому крестьянину. Об этом же он писал на русском языке: «*Не полагаете <...> что я идеализирую способ деревенской жизни; я очень хорошо знаю, что там много нужды и горя, но мне кажется, что это чувство, т.е. чувство нищеты и горести не гибнет гордость и красоту человека, который так серьезно и искренно смотрит на судьбу*» [Там же, с. 306-307]. Лексическая единица «почему спасенья нет» актуализирует смысловой план концепта «Тоска» – «непостижимость трудности жизни», который раскрывает такую особенность русского национального характера, как «иррациональность» – «подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни» [2, с. 34].

Смысловые планы «предчувствие конца, страх смерти» и «тоска по прошлому» репрезентированы в стихотворении «Лицо»:

Я постарел <...>

Я понимал, что близко день разлуки,

и я открыл, как книгу, мои руки

и оба клал на щеки, рот и лоб...

Пустые сниму их, кладу их в гроб, –

но на моем лице узнают внуки

все, что я был... [9, с. 632].

Лексические единицы «я постарел», «я понимал, что близко день разлуки», «на моем лице узнают внуки все, что я был» рождает образ старика, читающего книгу жизни и с грустью вспоминающего о прошлом, актуализируя мотив тоски по прошлой жизни. Этот мотив продолжается в стихотворении «Старик», лирический герой которого испытывает тоску по невысказанному поэтическому слову:

На печке, как бы спал, лежал старик,

думал о том, чего теперь уж нет, –

и говорил бы, был бы как поэт.

Но он молчит; даст мир ему господь [Там же, с. 633].

Антитеза «говорил бы – молчание» выражает индивидуально-авторский смысловой план концепта «нереализованное желание творчества». Оно было недостижимо в прошлой жизни и остается таким сейчас, и лишь молчание является пространством для творчества крестьянина-поэта. Его внутренний монолог прерывает «любовь», которая, как и слова, стремится выйти наружу, но «губы» старика закрыты. Антропоморфный образ любви актуализирует индивидуально-авторский смысловой план «тоска по несостоявшейся любви», основанный на универсальных смыслах концепта «Тоска» – «стремление к желаемому» и «осознание невозможности желаемого»:

и милая, красавица любовь

идет в груди больш' тысячи годов

и не нашла себе губы, – и вновь

она узнала, что спасенья нет,

что бедная толпа усталых слов,

чужая, мимо проходила в свет [Там же].

Само поэтическое слово испытывает чувство усталости и угнетения, живые поэтические слова обезличены в «бедной толпе», они «чужие» и поэтому недостижимы.

Мотив усталости вновь возникает в стихотворении «Я так устал...». Чувство беспричинной хандры, тоски выражается наполненными экспрессией лексическими единицами «тяжба» (*тяжесть*), «больной день» и частицей «так», которая указывает на сильную степень проявления чувства:

Я так устал от тяжбы больных дней

пустая ночь безветренных полей

лежит над тишиной моих очей.

Мой сердце начинал как соловей,

но досказать не мог свой слова <...> [Там же, с. 634].

Усталость лирического «я» граничит с заболеванием, в таком окружении – «больные, тяжелые дни, усталость» – зарождается чувство экзистенциальной тоски. И если здесь это тоска поэтическая, то в заключительном стихотворении – общечеловеческая, духовная:

Я так один. Никто не понимает
Молчанье: голос моих долгих дней
И ветра нет, который открывает
Большие небеса моих очей... [Там же, с. 635].

Основной мотив стихотворения – всепоглощающее одиночество – репрезентирован лексическими единицами «я так один» и «никто не понимает молчанье». Никто не слышит молчанье, которое для художника слова является «голосом», вокруг лирического героя «и ветра нет», он испытывает состояние поэтической духоты. Именно это состояние сопровождает чувство экзистенциальной тоски, понятие которой формулируется еще в творчестве Достоевского: «от сильного давления, как будто кто-то душил их, захрипели часы» [10, с. 885].

Мотив недостижимости творчества разворачивается в картину полного отчуждения:

Перед окном огромный день чужой
край города; какой-нибудь большой
лежит и ждет [9, с. 635].

Человек находится на «краю» общества, которое предстает как «огромный чужой день», остро ощущает свою ненужность и не может обрести смысл жизни, познать себя:

Думаю: это я?
Чего я жду? И где моя душа? [Там же].

Примечательно, что в этом стихотворении мотив одиночества, тоски возникает на фоне светлого времени суток, в то время как в русской литературной традиции чувство тоски ассоциируется с сумерками, темнотой, вечером. Тема духовной усталости и больных, тяжелых дней – интеркультурная, знаменующая духовный перелом эпохи смены веков и предвещающая начало периода экзистенциализма.

Русские стихи Рильке являют собой поэтическую лабораторию, в границах которой поэт постепенно наполнял пространство концепта «Тоска». Вслед за этапом творческого осмысления последовала глубокая философская рефлексия культурной константы «Тоска». Свое представление о русской тоске наиболее полно он выразил средствами русского языка в письме к А. Н. Бенуа в июле 1901 года, спустя полгода после появления русских стихотворений: «...как трудно для меня, что я должен писать на том языке, в котором нет имени того чувства, которое самый главное чувство моей жизни: тоска. Что это – *Sehnsucht*? Нам надо глядеть в словарь как переводить “тоска”. Там разные слова можно найти, как например: “*Bangigkeit*” (боязнь), “*Kummer des Herzens*” (сердечная боль) *bis Langeweile* (вплоть до скуки). Но вы будете соглашаться, если скажу, что, по-моему, ни одно из десяти слов не дает смысл именно “тоскы” <...> из “тоскы” нарицательные величайшие художники, богатыри и чудотворцы русской земли» [8, с. 125].

Образы русской культуры оказались созвучны концептуальной картине мира Рильке. Он отразил в своем творчестве разные грани концепта «Тоска»: «грусть», «печаль», «хандра», «тревога», «тоска по прошлому», «тоска по хорошим чувствам», «беспокойное ожидание будущего», «недостижимость трудностей жизни, невозможность управлять ею», «предчувствие конца, страх смерти». В структуре рильковского концепта «Тоска» актуализируются универсальные эмотивные смыслы «стремление к желаемому, лучшему», «осознание невозможности желаемого» и индивидуально-авторские смыслы «тоска по будущей жизни», «нереализованное желание творчества», «тоска по несостоявшейся любви», а также интеркультурный смысловой план «экзистенциальная тоска».

В языковой личности поэта концепт «Тоска» базируется на индивидуально-авторских и русских национальных образах, а также репрезентирует общеевропейские культурные тенденции. Многоплановая репрезентация данного концепта в творчестве инонационального писателя подтверждает его значимость в русской лингвокультуре и позволяет передать особенности русского национального характера.

Список литературы

1. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
3. Гронская Н. Э. Семантическая структура полисеманта как фрагмент национально-маркированного когнитивного пространства // Когнитивная семантика: материалы II международной школы-семинара по когнитивной лингвистике (11-14 сент. 2000 г.): в 2-х ч. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. Ч. 1. С. 33-35.
4. Димитрова Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 173 с.
5. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
6. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
7. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
8. Райнер Мария Рильке и Александр Бенуа / под ред. К. М. Азадовского. СПб.: Эгида, 2001. 269 с.
9. Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / сост. К. М. Азадовский. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. 656 с.
10. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. 864 с.

CONCEPT "BOREDOM" IN M. RILKE'S LINGUISTIC PERSONALITY STRUCTURE

Dar'ya Nikolaevna Volodina, Ph. D. in Philology
Department of the Russian Language as a Foreign One
National Research Tomsk Polytechnic University
volodinadn@mail.ru

The author analyzes the concept "Boredom" in M. Rilke's linguistic personality structure (by the materials of the poet's poems and letters written in Russian), reconstructs this concept, determines the individual-authorial, Russian national and intercultural meanings in it, pays special attention to the authorial methods of the representation of the concept "Boredom" at linguistic-cognitive level, and reveals the lexical-semantic field and imagery structure of the concept (the methods of reality metaphorization and motive organization).

Key words and phrases: linguistic personality; conceptual sphere; concept; picture of the world; other national consciousness; boredom; R. M. Rilke.

УДК 8/882

Филологические науки

В статье воссоздается уникальный образ гениального ученого М. В. Ломоносова. Особое внимание в работе уделяется стихотворению Я. П. Полонского «Хандра и сон М. В. Ломоносова», которое выделяется из историко-литературного контекста благодаря оригинальной онейропоэтике, помогающей представить неоднозначный образ мыслителя Ломоносова.

Ключевые слова и фразы: образ; поэзия; поэтическая традиция; сон; греза; онейропоэтика.

Ирина Геннадьевна Вьюшкова, к. филол. н.

Кафедра филологии и культурологии

Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова

wjuschkowa@rambler.ru

**ОРИГИНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЛОМОНОСОВА-УЧЕНОГО
В СТИХОТВОРЕНИИ Я. П. ПОЛОНСКОГО «ХАНДРА И СОН М. В. ЛОМОНОСОВА»
В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ[©]**

Феномен гениальности личности М. В. Ломоносова уникален. Плоды его деятельности отразились в разных научных областях: литературе, химии, физике, геологии и т.д., что позволило А. С. Пушкину назвать его «первым нашим русским университетом» [6, с. 340]. Многогранность таланта Ломоносова привлекала к себе многих поэтов, которые в своих творениях попытались объективно оценить роль и заслуги ученого перед Отечеством. Так, **Г. Р. Державин** в стихотворении «**К портрету Михаила Васильевича Ломоносова**» (1779 г.), назвав Ломоносова «славой россов», своеобразным русским «Пиндаром, Цицероном, Вергилием», подчеркнул бессмертье его славы:

Се Пиндар, Цицерон, Вергилий - слава россов,
Неподражаемый, бессмертный Ломоносов.
В восторгах он своих, где лишь черкнул пером,
От пламенных картин поныне слышен гром [1, с. 28].

Традицию Державина в дальнейшем продолжил **Д. И. Хвостов**, в послании-воззвании которого «**Михайле Васильевичу Ломоносову**» (1825 г.) содержится призыв: «Встань, о, песнопевец Россов! / Встань великий Ломоносов!» с целью воспевания родины - «Архангельского края», отчего дома, из которого ему было предрешиено судьбой шагнуть на Геликон, преодолев множество препятствий:

Тебе назначено судьбою
Отвергнуть множество препон,
И року вопреки сурову
Шагнуть, оставя сень отцову,
От Белых вод на Геликон [11].

Ломоносов назван «благодатным богом», «певцом бессмертным», деяния которого не будут забыты потомками, потому что родится продолжатель дела Ломоносова, «равный высокому Пиндару или Гомеру» [Там же].

В дальнейшем **Д. Фролов**, соблюдая каноны одического жанра, создал возвышенный образ ученого в оде «**Похвала Ломоносову**», именовав его «несравненным гением», «росским певцом», «просветителем», благодаря которому «Россия процветала»: